

ХЕМЛИН ГАРЛЕНД

Толстой-реформатор

<Фрагмент>

Когда я в 1884 году приехал в Бостон, главой писателей Новой Англии был Уильям Дин Хоуэллс, издатель, романист и критик — первый, кто пробудил во мне интерес к сочинениям Льва Толстого. <...>

Мой интерес к Толстому усилился после того, как я узнал, что он относится с сочувствием к планам земельных реформ Генри Джорджа, ревностным поборником которых я был. И вскоре в статьях и очерках великого русского писателя я, действительно, нашел многие положения, совпадающие со взглядами Джорджа¹. Я приобрел некоторые из романов Толстого, и, хотя имена его героев своей непривычностью несколько мешали восприятию, я все же прочитал эти произведения (разумеется, в переводе), и они показались мне исполненными истинно благородных намерений, но несколько растянутыми. Его статьи и народные рассказы больше пришлись мне по душе, благодаря их глубокому этическому содержанию, а также искренности и простоте стиля.

С тех пор — время от времени (это был период с 1888 по 1900 год) к нам в Америку приходили статьи и письма еще более противоречивого характера. Его высказывания с их апостольской суровостью казались нам энцикликами, исходящими от главы великой церкви — церкви человечества. Его величественный в своей простоте призыв «Будем справедливы» был созвучен моему настроению и настроениям моих друзей-реформаторов. Реорганизация общества и была темой наших бесчисленных речей, передовых статей и стихотворений. Говоря о реформе драмы, мы цитировали Ибсена, а ратуя за преобразование общества, обращались к Толстому. Мы использовали каждый аргумент, который могли почерпнуть в его письмах.

Хоуэллс, горячо одобряя Толстого-реформатора, не забывал напоминать нам о том, что тот был, прежде всего, художником. Хоуэллс неустанно подчеркивал красоту стиля, которая делала сочинения великого русского писателя не только проповедью того, как надо жить и как мыслить, но и произведениями искусства.

Вспоминая о тех временах, я абсолютно убежден, что не совершаю ошибки, утверждая, что Хоуэлс больше, чем кто-либо другой из американцев, сделал тогда для истолкования творчества Толстого. Он всегда видел в моралисте художника. Если читатель захочет выяснить роль Хоуэлса, пусть он перечитает рецензии и статьи за его подписью, печатавшиеся в «Harper's Magazine» в начале 1890-х годов. Я убежден, что мои слова найдут полное подтверждение.

Когда я теперь перечитываю статьи Толстого, они кажутся мне удивительно простыми, искренними и имеющими самое прямое отношение к людям сегодняшнего дня. Как никогда прежде, ощущаю я их мрачную суровость. Они воскрешают в моей памяти мрачные картины, и я вижу вновь, как этот «русский Сократ» идет за сохой или сидит с сапожным молотком² в руках — ибо он стремился жить в соответствии со своим учением.

Начав с провозглашения принципа: никто не вправе съесть куска хлеба, не заработанного в поте лица своего, он в последующих своих статьях выступает против употребления табака, мяса и спиртных напитков всех видов. Современные роскошь и чувственность обличаются им так, как обличал бы их Иоанн Креститель, если бы он это видел. Без устали проповедует он милосердие, целомудрие, трудолюбие и братство. Но не останавливается на этом. Патриотизм³, утверждает Толстой, это — зло, потому что он является источником войн. Собственность на землю ведет к разорению большинства и к развращению меньшинства, а официальная церковь поддерживает и освящает все это неравенство и беззаконие.

Это страстное, проникнутое горечью обличение цивилизации теперь произвело на меня тягостное впечатление. Расстроенный, закрыл я книгу. У меня было такое чувство, словно, проходя мимо кельи старого отшельника, я услышал, как он с отчаяньем и убежденностью говорит: «Все суета сует, все тщетно. Богатство означает коррупцию, власть — тиранию, любовь — это порок, роскошь — преступление, церковь — мерзость, а прогресс — заблуждение».

Короче говоря, в статьях Толстого провозглашено то, что простому смертному может показаться «недостижимым идеалом».

Это проповедь старика, вкусившего от всех земных радостей, пресыщенного жизнью и ощущающего теперь лишь горький привкус. Боюсь, что современный читатель, в особенности молодой, не проявит особой симпатии к этим аскетическим призывам, потому что мы еще более далеки от сурового толстовского взгляда на жизнь, чем люди, жившие тридцать лет назад. Тем не менее весьма полезно поразмыслить над словами человека, который, после беззаботно прожитой юности, сделал попытку построить свою жизнь в духе христианского идеала — в мире, исполненном несправедливости, жестокостей и войн. И пусть в юности Толстой жил плотской, чувственной жизнью, а в старости страстно осуждал тот тип молодых людей, представителем которых в свое время был сам (давая этим пищу многим злым насмешкам), эти проповеди много повидавшего человека обладают огромной силой воздействия. Прозрачность стиля в сочетании с непоколебимой искренностью философии делают его статьи с их беспощадной логикой почти неопровержимыми <...>

Я пишу эти строки в центре города, который считается самым языческим городом в мире, более всех предающимся роскоши и наслаждениям. И когда я гляжу на рекламы театров, танцевальных зал и отелей, настойчивый толстовский призыв к размышлению кажется мне исполненным почти средневековой страстности. Смогут ли его идеи — равно как и любые этические идеи — вернуть преуспевающих, любящих роскошь людей к идеалу, выраженному в отчаянном призыве?

Даже лучшим из нас отнюдь не бесполезно пересмотреть свою жизнь в свете его проповеди. И если нам и не достичь тех высоких идеалов, которые в ней выражены, мы, по крайней мере, сумеем почувствовать все благородство целей, которыми был движим этот великий русский писатель в последние годы своей жизни.

